

Никита Евстратов успел на сегодняшний день сделать многое. Во время учебы в МФТИ прошел специальные курсы и стал профессиональным переводчиком научных статей с английского языка. Потом служил техническим писателем в компании, специализировавшейся на информационных технологиях и телекоммуникациях, то есть обязан был объяснять простым человеческим языком головоломные, технически сложные вещи.

Теперь, когда всерьез занялся писательством, перешел на вольные хлеба — стал репетитором по математике, дает уроки «недорослям» и работает ровно столько, чтобы хватало времени на сочинительство.

Этот жизненный опыт тайно или явно отражен в его прозе. Первые рассказы Евстратова, с кото-

рыми он появился у меня на Высших литературных курсах, выглядели — дело прошлое! — ужасно и требовали даже не редактуры, а коренной переделки. Но уже тогда было ясно, что он обладает природным писательским даром, умеет и любит фантазировать, выдумывать, придумывать, иронизировать с весьма серьезным видом.

Полагаю, что сейчас он преумножил эти важные для писателя свойства, а заодно и еще многому научился: строить сюжет, выверять диалог, безжалостно сокращать растянутые тексты, отсекая все ненужное, неточное, а иногда и — по молодости лет — глупое.

Надеюсь, что читатели «Юности» согласятся со мной.

Евгений Попов

КАК КЛОЗЕ

В мое одиннадцатое лето Германия приняла чемпионат мира по футболу. Я жил в Калининграде. Родители уезжали к родственникам в Москву, а меня решили спроводить в деревню. В матче-открытии Германия победила Коста-Рику. Мирослав Клозе забил дубль и очень мне понравился. Я не смотрел футбол до этого, но мгновенно втянулся и решил болеть за Германию. Во втором матче немцы победили Польшу. В день, когда они играли третий матч против Эквадора, за

мною приехал дедушка. Мы посадили родителей на поезд, а сами сели в автобус.

Пока мне не исполнилось восемь, я провел в деревне три лета. Но бабушка заболела загадочным Альцгеймером, умерла, и дедушка ушел в запой. Спустя три года он, как сказала мама, зашил. Теперь мы ехали в автобусе, я рассказывал дедушке про сборную Германию и с нетерпением ждал, как вечером мы посмотрим матч.

Деревня ничуть не изменилась. Автобусная остановка была на центральном перекрестке, который

делил деревню на две части. В одной дорога была из асфальта, в другой — из гальки и земли. Я жил в земляной половине и за ее пределы выходил редко, потому что никого оттуда не знал.

Справа от остановки раскинулось футбольное поле с самодельными деревянными воротами. Одни из них стояли у асфальтовой дороги, с другой стороны которой была библиотека. За три лета я прочитал в ней все детские детективы и уже собрался перейти к приключениям Алисы Селезневой, но туда устроилась тетя Света, которая орала, как свинья резаная, на каждого посетителя и пугала меня. Паша мне рассказал, что у тети Светы сгорел дом и в библиотеку ее взяли из жалости, потому что ей негде жить.

Паша был моим лучшим другом в деревне. Он был старше меня на два года. Он научил меня кататься на велике и плавать по-собачьи. Паша быстро бегал и подтягивался целых десять раз. В жару он не носил футболку, и виделось его смуглое мускулистое тело. В последнюю нашу встречу мы гуляли по заброшенной стройке, которая находилась через дорогу от автобусной остановки.

Спустя три года стройка возобновилась — теперь в ней было два этажа. Наверху строители что-то таскали: наверное, делали крышу. Через земляную дорогу от стройки стоял магазин. Каждое утро бабушка посылала меня туда за свежим хлебом. У него был такой вкусный запах, что я откусывал уголки, пока шел домой.

Мы с дедушкой зашли в магазин. В очереди за пивом мужики обсуждали предстоящий матч. Дедушка взял себе квас, мне — лимонад и чипсы. Дома мы оказались как раз к футболу.

Германия разгромила Эквадор, и Клозе опять забил дубль. Я решил, что теперь он мой любимый игрок. Я вышел во двор и заметил, как он изменился. От торца сарая до забора среди привычных одуванчиков и лопухов протянулась куча мусора: пластиковые и стеклянные бутылки, консервные банки и прочие разноцветные фантики. Они блестели от вечернего солнца. Вдоль забора росла высокая крапива. Она жгла, и я всегда боялся ее. На мусор дом смотрел боком. На его бледно-желтой стене я заметил серый отпечаток от обуви. Его оставил Паша, когда хотел показать, как высоко он может поднять ногу.

«Наверное, Паша тоже футбол смотрит, — подумал я, — надо будет ему рассказать про Клозе». Стемнело, и я вернулся домой. Дедушка приготовил постель. Перед сном я решил, что утром навещу Пашу.

* * *

Паша жил через два дома от меня. Еще на дороге я увидел, как во дворе он колет дрова. Я предложил пойти на стройку, но Паша сказал, что там работа-

ет батя и не разрешает туда ходить. Но можно днем сходить в ничейный сад у немецкого кладбища и поест вишню. Я согласился и после обеда зашел за Пашей.

Сад находился на краю земляной половины деревни. Вишневое дерево было высоким. Я сорвал все ягоды, до которых достал, а Паша забрался наверх. Я восхищался тем, как быстро он залез на толстые ветки, как пальцы его прилипали к стволу, а пружинистые ноги отталкивались от выступов, которые я даже не мог разглядеть. Паша рассказал мне, что в центре каждый вечер пацаны играют в футбол на пиво и его взял в одну из команд Серый — владелец мяча. Вчера вот они выиграли 5 : 3, и Паша забил победный гол. Но пиво он не пил, потому что после работы батя забирал его домой. Паша предложил мне пойти посмотреть игру, но я сказал, что вечером занят с дедушкой.

На самом деле я никогда не играл в футбол и мне было стыдно перед Пашей. Я понял, что и правил толком не знаю, поэтому дедушке я в тот же вечер задал кучу глупых вопросов. Особенно мне было интересно, после каких нарушений будет пенальти. Только через несколько дней до меня дошло, что его назначают в штрафной зоне. Дедушка ворчал, но мой интерес к футболу одобрял.

* * *

Приближались матчи одной восьмой финала — Германия попала на Швецию. Нам с Пашей надоела вишня, и мы стали ходить за малиной в лес. Возле лесного болота я промочил ноги, и кеды расклеились. Увидев это, дедушка сказал, что завтра мы поедем покупать мне на рынке кроссовки. Рынок находился в ближайшем городке. Я радовался, что кеды доломались, мне было в них неудобно.

На рынке я вспомнил, как помогал бабушке торговать овощами из огорода, который теперь был запущен. Дедушка оставил меня в обувной палатке и пошел болтать со знакомыми продавцами. Приятно пахло резиной, и я нашел подходящие кроссовки: розовые, с толстой ребристой подошвой и длинными черными шнурками. Взял их в руки, но продавщица объяснила мне, что эта модель для девочек. Я обиделся и подобрал другие — такие же, только серого цвета. Дедушка вернулся и купил их.

Единственный автобус приходил через полтора часа. У нас было время посидеть в местной столовой — там бабушка покупала мне сосиски в тесте. На выходе из рынка я кое-что увидел, и нам пришлось задержаться — черные восьмерки были нанесены на его белую поверхность, разделенную линиями швов на несколько частей. Дедушку даже уговаривать не

пришлось: мои вопросы про пенальти подготовили его к этой покупке.

В столовой я уплетал сосиску в тесте, прижимая одной рукой к груди упакованный в сетку футбольный мяч. Солнечный свет из окна попадал на мяч, и блеск его, как мне казалось, отражался в моих глазах.

* * *

Германия прошла Швецию, и я полюбил футбол еще больше. С Пашей мы больше не ходили в лес, а играли у меня во дворе в королька: кто быстрее набьет мячом на ногу десять раз, потом на коленке, руке и голове. Я пытался дойти до коленки, пока Паша выигрывал за пару попыток. Иногда к нам приходили рыжие близнецы Миша и Тима, с которыми мы играли на земляной дороге в квадрат. Мы чертили его и делили на четыре зоны. В каждой стоял игрок. Он должен был выбить мяч в другую зону одним касанием. Коснулся дважды или пнул мяч за пределы квадрата — проиграл.

В свои четырнадцать близнецы до сих пор учились в третьем классе и всегда просили меня вынести батон. Дедушка запрещал давать им еду и ворчал, мол, чего этих побирушек кормить, но тайком я отламывал от хлеба куски. Паша рассказал, что у Тимы и Миши дома много братьев и сестер, родители спиваются и еды на всех не хватает. Да и вообще, прошептал мне как-то Паша на ушко, близнецы умственно отстающие. К таким, как говорила классная руководительница, нужно относиться толерантно, и я соблюдал это правило.

* * *

Прошла одна восьмая финала, матчи перестали показывать регулярно, и у меня появились свободные вечера. Паша все-таки уговорил меня ходить на поле в центр. Там он учил меня бить по воротам. Я умел пыром, то есть носком, а надо было щечкой: внутренней частью стопы, или с подъема: верхней частью стопы, где бантиком я завязал шнурки серых кроссовок.

Ближе к матчу приходили пацаны, и с ними мы играли в «одно касание»: один на воротах, другие пытаются ему забить, касаясь мяча лишь раз. Коснулся дважды или мяч ушел от тебя — встаешь на ворота. Иногда Серый со своим мячом присоединялся к нам. Прыщавый, он постоянно скалил выпирающие зубы, втягивал голову в сутулые плечи и пинал мяч, чтобы он коснулся меня и покинул поле. Тогда я вставал на ворота, и Серый специально в меня целился мячом. Он знал, что я его боюсь. В такие минуты я старался думать о

чем-то другим и терпеливо дожидаясь, пока наступит вечер, на машине приедут пацаны с пивом в багажнике и начнется матч. Когда это происходило, я отходил в сторону и вздрагивал, если кто-то пронесился мимо.

Большинство пацанов были старше Паши. Но играл он лучше многих: маленький и быстрый, он отбирал мячи и точно бил. В нападении с Серым они часто побеждали.

Паша обычно был в команде без футболок, и я засматривался на его смуглое мускулистое тело, блестящее от пота. Коленки Паши мелькали, а жилистые руки двигались в едином порыве, как лопасти вентилятора. Я восхищался Пашей, но одновременно завидовал, потому что тоже мечтал оказаться у ворот соперника и с подъема запустить мяч в девятку крепко сколоченных ворот.

Паша часто попадал в девятку. Однажды он ударил в нее так сильно, что мяч перелетел через асфальтовую дорогу и угодил во входную дверь библиотеки. Оттуда выскочила тетя Света и начала орать. Я услышал слова «еще раз» и «проколю мяч». Никто не обратил внимания, и матч продолжился.

* * *

В четвертьфинале Германия по пенальти прошла Аргентину. Клозе забил важный гол. В этот день мы играли в квадрат на дороге. От Тимы мяч улетел во двор и попал в кучу мусора. Близнец пошел за ним, но не вернулся и крикнул: «Мих, иди сюда!»

— Чего это они? — спросил Паша, и мы вошли во двор. У Тимы в руках было несколько желтых пивных банок.

— Мы банки собираем, — сказал он, — такие только у старшего брата видели. Тут много старых.

Миша тем временем вывернул мусорный пакет, перебрал его содержимое и нашел детскую красную лопатку. Я вспомнил, как когда-то играл с ней.

— А вдруг в земле еще банки? — сказал Миша и вырвал лопух. С корнем наружу вылез кусок земли. Миша стал копать еще глубже и глубже.

— Дурень, нет там никаких банок, — сказал Тима.

— Давай быстрее там! — поторопил Паша, но Миша не остановился.

Почва была влажной, и ему легко копалось. Свободной рукой он отбрасывал землю в сторону.

— Ай! — крикнул Миша. — У тебя там твердое. Царапается. Больно.

— Чего? — спросил Тима. — Дай гляну. Да это же асфальт.

— Какой асфальт? — рассмеялся Паша и наклонился к маленькой, но глубокой яме. На дне виднелось что-то серое. — Да не асфальт это никакой, это бетон. У меня батя такой месит на стройке. Слышь, —

обратился Паша ко мне, — у тебя откуда бетон под мусором?

— Не знаю, — ответил я, и мы продолжили играть в квадрат.

Перед сном я спросил у бабушки:

— А почему у нас во дворе под мусором асфальт?

— Что? — ответил он. — Какой асфальт?

— Ой, бетон.

— А, ты про это? У сарая, чо ли? Ну так это, там площадка была раньше, бетонная, прямоиком от забора, большая такая, от немцев еще осталась. А зачем она, кто его знает. Мы землей ее засыпали, курицы там были. Они ж этих, червей едят.

— Дедушка, а откуда столько мусора? Его же не было раньше?

— Так это, — ответил дедушка, — накопился как-то. Раньше мы с бабушкой свозили как получится, потом заболела она, и не до того стало, да и просто стали кидать. Сейчас убрать бы его да площадку раскопать. Мне друг машину старую обещал отдать, туда бы ее ставил.

— Дедушка, а куда мусор свозили?

— Да как придется. На полях сжигали обычно. Но сейчас-то не нужно это, сейчас за магазином эти самые... контейнеры. Машина приезжает, увозит в город. Времени просто нет отнести, многовато мусора было.

— Дедушка, а большая эта площадка была?

— Ну, такая, порядочная, где мусор кончается, там и она тоже.

Я сразу представил площадку — мусор начинался на линии от угла сарая до забора. Судя по всему, она была прямоугольной. Почему-то я был уверен, что знаю, зачем эта площадка была нужна немцам.

Перед сном в голове моей прокручивались черно-белые картинки, как на старых бабушкиных фотографиях: подростки из Германии гоняют мяч на бетонной площадке и забивают в ворота, стоящие у стены сарая. «Один из них очень похож на меня», — подумал я и уснул.

* * *

К полуфиналам футбольное настроение в деревне достигло кульминации. За день до матча Германии с Италией пацаны решили играть не на пиво, а на коньячный спирт, продававшийся в пятилитровых канистрах.

Мы с Пашей сыграли в королька и отправились на поле. Но места для «одного касания» не было: пацаны пришли, чтобы потренироваться. Паша присоединился к ним, а я с мячом встал за ворота у дороги. Скоро приехала машина, и белую канистру вытащили из багажника. Половина пацанов сняли футболки, и матч начался.

Играли два тайма по тридцать минут. Паша был в команде без футболок и вместе с Серым напал на дальние от меня ворота. Развивался матч с интересным сюжетом: Паша и Серый давили-давили-давили и в итоге забивали. Но соперники тут же отыгрывались. Через полчаса счет дошел до 4 : 4, и команды поменялись воротами. В начале второго тайма случилось кое-что.

Паша вышел один на один. Я видел, как скулы его напряглись одновременно с икрами ног, как размашисто он ударил и угодил в девятку с невероятной силой. Мяч перелетел через дорогу и попал прямо в окно библиотеки. В этот момент все утихло, и раздались звон стекол.

Серый хлопнул Пашу по плечу и сказал: «Иди давай, чтобы сейчас же мяч тут был, сука». Паша перебежал дорогу, подошел к крыльцу и постучался в дверь. Она открылась, тетя Света отдала мяч и не сказала ни слова. Паша взял его в руки и направился обратно.

— Быстрее там! — крикнул Серый, и Паша кинул ему мяч.

Он даже не прокатился по траве. Серый достал из вспоротого мяча сдутую камеру. Швырнул ее в сторону и налетел на Пашу. Толкнул его на поле, прыгнул коленями на грудь и принялся бить по лицу.

— Вот сука! — злился Серый.

Стоявшие рядом пацаны немедленно его оттащили и крикнули Паше, чтобы он уходил. Губа опухла, из носа текла кровь, и Паша побрел домой. Я хотел догнать его, но ощутил в руках мяч и передумал.

— Ну что, чем играть-то будем теперь? — кто-то спросил, и у меня вырвалось: «У меня есть мяч!»

— Что стоишь тогда? Кидай сюда!

— А меня возьмете? Вместо Паши.

— Утырка этого? — встрял Серый. — Да он мяча боится.

— погоди, — кто-то без футболки ответил ему. — Пусть в защите вместо меня постоит. Я в атаку уйду, все норм будет.

— Ну, глянем, — сказал Серый и подошел ко мне. — Слышь, малой. Накосычишь — тебе кранты. Понял?

Я кивнул. Я до того рад был долгожданному выходу на поле, что не боялся.

Через двадцать минут счет остался прежним, только ворота соперника ежеминутно тряслись от попадания в перекладину и штанги. Под конец наши ушли вперед, и я один остался в защите. Серый навесил с фланга, и кто-то прыгнул, чтобы забить головой, но мяч соскользнул с макушки и покатился в центр поля. Я понял, что это мой шанс, и устремился к мячу. Лупанул пыром, забыв уроки Паши. Я посмотрел на ворота, ожидая увидеть гол, но они исчезли, и перед глазами возникло вечернее синее небо. Ни одного облога не было на нем.

— Че лежишь, вставай! — услышал я и понял, что лежу на земле.

Встал, развернулся и увидел, как пацан в футболке выходит один на один с нашим вратарем. Я побежал к ним. Вратарь чуть вышел из ворот и подкатился к парню в ноги. Нападающий ударил в противоход, но вратарь успел вытянуть руку и отбил мяч. На мгновение он завис в воздухе и собирался было упасть на поле, но угодил на мою вовремя подоспевшую коленку, откуда по дуге перелетел в ворота. Кто-то крикнул «время!», что означало конец матча, и я догадался, как поступить. Я побежал за мячом, который выкатился на дорогу, взял его в руки и помчался домой. Серый что-то кричал и, наверное, догонял меня, но я так и не повернулся, чтобы проверить это. И не остановился, чтобы завязать шнурки на потрепанных серых кроссовках.

Я вбежал во двор, забыв закрыть калитку, и зашел к себе в комнату. Спрятался под одеяло, как испуганный кролик в нору, и попытался уснуть. Но не выходило — в голове прокручивались одни и те же картинки: мяч в центре поля, я подбегаю к нему, бью, он влетает в девятку. Победа, я настоящий герой, как Клозе. Мне было горько осознавать, что я не просто всех подвел, а лишил себя шанса забить настоящий гол. Я знал, что не осмелюсь вернуться на поле.

Постепенно картинки превратились в черно-белые. Я стал похож на немецкого подростка, который забивал гол в блестящие белые ворота на бетонной площадке. Образы начали усыплять меня. Перед сном я понял, как быть дальше, и улыбнулся.

* * *

От нетерпения я проснулся раньше дедушки и завтрака дожидаться не стал. Взял на кухне мусорный мешок и пошел во двор. Предстояла огромная работа, а до завтрака я собрал только половину мешка.

— Ты чего это делаешь? — услышал я от дедушки, который проснулся и вышел на улицу.

— В мяч хочу играть. На площадке.

— Надо же, работающий какой. Ну, дело хорошее. Я бы и сам убрался, да времени все никак не найду. Но дел много тут. Справишься?

— Постараюсь.

— Перчатки хоть возьми. В сарае лежат. Пойдем покажу.

Перчатки лежали на большой банке с белой краской.

— Забор хотел покрасить, да никак не доберусь, — сказал дедушка. — Ты хоть завтракал?

К обеду я собрал два больших мешка и сильно устал. Я подумывал попросить дедушку помочь отнес-

ти их на мусорку за магазином, но пришел Паша. Его губа опухла, и с угрюмым видом он доложил мне, что батя запретил ему ходить на футбол, поэтому мы не будем больше тренироваться. Я сказал, что тоже туда не пойду, но причины не назвал, и поделился идеей с мусором и площадкой. Пашу она порадовала — он похвастался, что умеет косить и может разобраться с крапивой у забора.

Вместе мы собрались на мусорку, но пришли близнецы. Меня осенило. Я вынес Мише и Тиме батон и сказал, что они могут забрать все пивные банки, которые найдут в мусоре, если помогут положить его в мешки и выкинуть. Они согласились.

Вчетвером быстро работалось, только близнецы подолгу разглядывали этикетки банок, и мне приходилось их подгонять. К вечеру мы разобрались с половиной мусора, а Паша скопил крапиву. Дедушка сначала не воспринимал нас всерьез, но вечером сильно удивился и в благодарность накормил всех супом. Близнецы обрадовались еде и потом трудились в полную силу.

Германия проиграла Италии в полуфинале, и мне стало обидно. Я решил, что на новой площадке мы в команде с Пашей будем Германией и выиграем у близнецов, которые будут Италией.

За следующий день мы закончили с мусором, Паша скопил лопухи, одуванчики и остальную траву. Утром скошенная зелень высохла, и мы выкинули ее в канаву.

Франция прошла Португалию и вышла в финал. Я подумал, что матч Германия — Франция мы тоже переиграем. Пришло время копать, и к нам присоединился дедушка.

Лопаты было четыре, но я не справлялся с ними, и дедушка дал мне веник, чтобы я подметал бетон. Земля была мягкой, и работалось легко, но близнецы тормозили. Они рубили пополам червей и смотрели, как те шевелятся.

Через два дня во дворе появилась прямоугольная серая площадка. Я не мог глаз оторвать от бетона. Дедушка похвалил нас и сказал:

— Ну вот, будет куда машину теперь ставить. Вам, поди, ворота нужны? У меня это, в огороде жерди остались, умеет кто делать?

— Я в центре помогал с воротами, — ответил Паша.

— Ну, приходи завтра, до матча управимся.

На следующий день за несколько часов Паша с дедушкой скотили ворота — на две штанги они поставили длинную жердь-перекладину. Сзади у штанг хвостиками торчали две короткие палки, вместе с подходящими до крестовин наклонными жердями они составляли опору конструкции. Ворота получились добротные, крепкие, и я готов был играть, но начался матч за третье место.

Германия победила Португалию. Обрадовавшись, я вышел во двор, чтобы разок ударить по мячу. Я поместил его в центр площадки, отошел для разгона и очутился в черно-белых мечтах — немецкий мальчик бьет по воротам. Но что-то было не так, и я не мог ударить по мячу. Я пытался несколько раз, но в последний момент не поднималась нога. Расстроенный, я не знал, как быть дальше. У ворот дедушка забыл перчатки. Чтобы отвлечься, я отнес их в сарай и положил на банку с краской. Внезапно я понял, что делать.

Я вернулся домой и стал упрашивать дедушку: «Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста». Он устал и сильно ворчал, но когда понял, что не отстану, согласился. Мы пошли в сарай, где дедушка взял все необходимое.

Когда он закончил, наступила ночь. Приятно пахло краской, и белые ворота сияли в темноте. Уставший и довольный, я уснул мгновенно.

* * *

Утром дедушка сказал, что краска сохнет четырнадцать часов и до обеда ворота лучше не трогать. Я зашел к Паше и предложил ему прийти днем, чтобы переиграть матчи за Германию. Он согласился и пообещал привести близнецов. После игры мы решили вместе смотреть финал. День ожидался насыщенный, и от нетерпения я не мог усидеть на месте.

Чтобы занять время до обеда, я прогулялся до сада у немецкого кладбища, где росла вишня. Съев пару ягод, я посмотрел на дерево. Его листья блестели от капель росы, через просветы на них падало мягкое утреннее солнце. Я был уверен, что так же будут блестеть белые ворота на бетонной площадке, когда, как Клозе, я забью победный гол. Я знал, что случится это сегодня: после обеда и до финального матча чемпионата мира. Радость меня переполняла, и время оставалось.